

Елена Суханова.

Закоулки. Нехоженные тропы

Пролог. Добраться до небес

Силы ветерка хватало на то, чтобы прогнать по гладкой крыше многоэтажки скомканный фантик, но не доставало, чтоб сдвинуть жестяную банку из-под газировки. Только заставить подрагивать. Солнце висело высоко. На шумной улице Ижевска перепискивались машины.

– Здесь? – спросила я, ступая на чёрную поверхность крыши.

– Да, да, – довольно отозвался Игорь, слегка наклонившись ко мне. – Именно здесь мы его и нашли.

Я вздохнула. Ох уж мне этот Игорь! Безумный ходок-изыскатель. Он отыскивает закоулки везде. И обязательно их исследует. Существует масса печальных историй о том, как ходок сунулся в свежесобраный переход и не вернулся обратно. Но Игоря это не останавливает. Даже не знаю, как называется такое поведение. Смелостью или безрассудством.

И Славик всегда отправляется за другом. Не думаю, что ему это нравится так же, как Игорю. Впрочем, не поймёшь. Славик не особо разговорчив.

Что до меня, я и в изученные-то закоулки вхожу без особого желания.

– Пойдём, пойдём, – Игорь взял меня за руку и потащил к краю. Открывающийся с высоты вид мог бы улучшить настроение, если б только мы забрели сюда романтики ради. Какая там романтика? И для Игоря, и для Славика я – лишь маленькая девочка, к которой они относятся покровительственно. К тому же ведь есть странный, почти неизведанный закоулочек. Он сейчас – всё, что их волнует. Я оглядывалась по сторонам в поисках этого самого будоражающего объекта, но ничего не обнаруживала. А мы меж тем всё ближе подходили к краю.

– Куда ты меня тащишь? – наконец возмутилась я.

– Сейчас увидишь, – Игорь интригуяще улыбался. Половина девчонок нашей школы сходят с ума по этой улыбке. И по её обладателю, соответственно.

– У меня недоброе предчувствие, – пробормотала я.

– Не бойся, – прошипел на ухо проводник и встал за моей спиной. Мы остановились на самом краю крыши. Казалось, что я вижу половину города. Монумент на набережной, шелестящие кроны деревьев, троллейбус, ползущий по своим делам. – Смотри, – сказал Игорь. Он ещё ближе пододвинул меня к бездне, а сам сзади крепко ухватил за плечи.

Если б рядом находился кто-то, кому я меньше доверяю, то непременно бы испугалась. Но сейчас я спокойно уставилась прямо перед собой, стараясь обнаружить обещанный закоулочек.

– Ниже.

Я опустила глаза. Услышала звук приближающихся шагов. Подошли Славик с Анжелкой и встали по обе стороны.

– Да он же прямо перед тобой, – фыркнула Анжелка и обратилась куда-то в сторону, как будто к подружкам, не присутствующим здесь, – мне кажется, из неё никогда ничего не выйдет.

– Прекрати, – отозвался Игорь.

И тут я увидела переход отчётливо. Просто до того смотрела чуть в сторону. Приблизительно в метре от края крыши. Чуть ниже. Над городом, а вернее над пустотой, висело светящееся кольцо. Оно походило на круг, рисуемый газом на плите. Только диаметр данной горелки составлял пару шагов. Самообразующиеся закоулочки всегда выглядят так.словно окружность, составленная из ярких точек. И точки эти бывают всяких разных цветов. Здешний ход в никуда светился оранжевым.

– Ты?! – от ужаса у меня пропал голос. Пришлось прокашляться. – Ты собираешься туда прыгнуть?!

Не попасть в кольцо – значит рухнуть с высоты шестнадцатэтажного дома. В круге я видела тот же город, что и вокруг. Стало жутко при мысли: вдруг окажется, что даже попадая в кольцо, всё равно рухнешь? Я пользуюсь закоулками всю жизнь, но так и не привыкла к ним.

– Конечно! А зачем же мы пришли сюда?

Я повернулась к Игорю. Он, увидев мои расширенные глаза, расхохотался.

– Да ладно тебе! Мы в этот колодец уже прыгали. Там водоём. Озеро. И очень живописный берег.

Смелость или безрассудство? Или что-то ещё, чему никак не подобрать названия?

Игорь весьма симпатичный. Стройный, широкоплечий, выше меня на голову. Загорелый блондин с глазами цвета туч, внезапно набежавших на небо. Нет, я не влюблена в него. Просто не могу подобрать менее поэтичного образа.

В Игоря влюблена Анжелка. Мне кажется, уже целую вечность. Что она только не делала, чтобы привлечь его внимание. Только без толку. Наверное, он слишком привык к ней. Все мы знакомы с раннего детства. Семьи ходоков в любом городе стараются держаться поближе друг к другу.

Славик и Анжелка – двойняшки. Но не очень похожи внешне. А по характеру, так вовсе земля и небо. Славик приземистый, коренастый, русоволосый и совсем немногословный. Он не приемлет лишнего внимания, потому старается не выделяться. Всегда простенько одет. Рядом с Игорем Славик смотрится тенью. И ведёт себя так же. Они почти не расстаются.

Анжелка – красавица. Тонкая, с лёгкой походкой, обладательница длинных волнистых волос. Она как раз любит, когда на неё смотрят. Предпочитает выглядеть ярко.

Им почти по семнадцать. Мне – четырнадцать. Конечно, они относятся ко мне, как к ребёнку. Однако мальчишки стараются оберегать, а Анжелка всегда обижает. Я не реагирую. Выработался иммунитет.

– А обратно?

Я охотно верю, что прыгнув в кольцо, погрузишься в воды озера, а потом доплывёшь до берега. Но воспользоваться столь неудачно расположенным закоулком для пути назад, уж точно никак не получится.

– А мы там ещё парочку переходов нашли. Тоже самообразовавшихся. Шагнули в один. Шагнули в другой. Оказались в каком-то дождливом городе. А оттуда уж Славик проложил путь домой. Он же спец по дождливым городам.

Мы – ходоки. Так называют тех, кто умеет пользоваться тайными дверями. Издавна эти пути именовались переходами. А потом какой-то писатель создал книгу, где использовал слово «закоулки». Позднее новое название стало популярнее прежнего.

Иногда переходы появляются сами. А потом исчезают. Отправившись туда, никогда не знаешь заранее, где окажешься. Чаще закоулки создаются ходами. Тогда пункт назначения известен. Если никакой ошибки не случится, конечно. У Славика закоулки почему-то действительно получаются лучше, если он рисует под дождём. Или мокрыми руками, хотя бы. И мокрым платком. У каждого свой предмет, для создания ходов. У Славика – платок. Он подходит к стене и небрежно проводит линию, обозначая контур двери, и думая о том, куда желает попасть. И тогда дверь можно открыть и выйти, где хотелось. Если же руки сухие, и платок, и стена, дверь получается бледной, как правило, не открывается и вскоре пропадает. А больше одного перехода в день Славик не создаёт. Необходимые силы иссякают.

Моя мама – ходок, не знающий таких проблем. Ей не нужны специальные условия, чтобы рисовать двери. И их количество не ограничивается одной или двумя в день. А вот я могу пользоваться закоулками, но создавать их так и не научилась. В папу пошла. Мама говорит, что я просто ещё не обнаружила свой предмет для рисования дверей. Мне кажется, она не устает меня успокаивать, потому что убеждает прежде всего себя.

– Ну что? Идём? – Анжелка вытянула шею и вгляделась в окружность.

Она корчит из себя бесстрашную, на самом же деле никогда не сунется в закоулок, не разведанный кем-то до неё.

– Конечно, – откликнулся Игорь и повернулся ко мне, – ты идёшь?

– А... – я запнулась, – подумаю...

Анжелка снова пренебрежительно фыркнула. Игорь отошёл подальше, разбежался и прыгнул, оттолкнувшись от края. Ушёл головой в кольцо и исчез. Мы слышали звук падения тела в воду. Наружу вылетело немалое количество капель. Я проводила их взглядом. Тот, кто гуляет сейчас возле шестнадцатэтажки, может подумать, что начался дождь.

Славик, не говоря ни слова, отправился за другом. Анжелка посмотрела на меня:

– Лиса, что ты делаешь в нашей школе?

Вообще-то меня зовут Алиса. Но когда-то давно Игорь сказал, что я похожа на лисицу. Носик остренький, волосы рыжие, худенькая. С тех пор меня иначе, как Лисой, не называют.

– Закоулки не создаёшь. Пользоваться не любишь. Изучать не хочешь, – продолжала Анжелка. – Жила бы здесь. Как твой отец. С простыми...

Она махнула рукой в сторону города. Для Анжелки люди, не имеющие о переходах понятия, вроде низшего сословия.

– Ты в первый раз туда идёшь? – я указала на мерцающий круг. И вправду похоже на зажжённую газовую горелку.

– Заметь, я всё-таки иду, – ответила Анжелка. И тоже прыгнула.

Оставшись в одиночестве, я некоторое время слушала звуки. Плеск воды, Анжелкины восторженные крики. Потом донёсся голос Игоря:

– Лиса, вода тёплая!

«Да ну, – думала я, – прямо в одежде прыгнули. И вообще...»

Так и не решилась. Взять запросто прыгнуть с крыши, как-то это... Я боюсь высоты. И плохо разведанных закоулков. Я – жуткая трусиха.

Глава 1. Алиса в Заозёрье

Вечером раздался стук в дверь. Я ждала его. Ждала, собирая вещи в сумку. Ждала, просматривая почту в компьютере. Неизвестно, когда я доберусь до него в следующий раз. В Заозёрье нет электричества. И интернета, соответственно, тоже. Ждала, помогая Лирике готовить ужин. Мы все привыкли считать Лирику частью семьи. Поэтому, когда я несколько лет назад узнала, что она, оказывается, домработница, то была сильно удивлена. По-моему, папа платит ей зарплату по привычке. Машинально. Наверное, как и все вокруг, он думает, что Лирика наша родственница. Она так давно живёт с нами.

Услышав звонок, я прекратила мыть посуду, закрыла кран и пошла открывать.

– Что? Не смогла себя заставить? – с порога спросил Игорь.

– Не смогла, – грустно кивнула я.

– Ну ладно. В следующий раз, – улыбаясь, сказал гость и привычно вошёл в дом.

Он всегда так говорит. Потому что уже не впервые я пугаюсь заходить в закоулок, который кажется опасным.

Славик прошагал вслед за Игорем.

В прихожей появилась мама.

– Как всегда к ужину, – раздался её мелодичный голос. – Кто бы сомневался? Я полагаю, даже если мы перенесём застолье на другое время, вы почувствуете и явитесь.

Мама проговорила это ласково. Она гостеприимный человек. Всегда радуется, когда ребята заглядывают в гости. А вот Анжелка у нас появляется редко. Не пришла и сейчас.

Я обратила внимание, что у Игоря порваны джинсы. Левая штанина. Там, где колено.

– Откуда это?

– А мы пещеру одну нашли. Тебе бы понравилось. – Игорь прошёл на кухню.

Я глянула на Славику. Тоже левая штанина. Тоже колено. Как они всегда умудряются?

– И, судя по всему, домой не заходили?

– Не заходили, – отозвался с кухни Игорь. Славик ограничился кивком. – Лирика, а чем так вкусно пахнет? Ох, как кушать хочется.

Когда мы уже сидели за столом мама, глядя в голодные глаза гостей, проговорила:

– Похоже, мы опять не дождёмся главы семейства. Он так занят, – она повернулась к стене, возле которой сидела, и лёгким движением нарисовала на ней кольцом маленькое оконце. Тут же на цветастых обоях возникло нечто, похожее на дверцу сейфа, размером с альбомный лист. Мама взялась за ручку, приоткрыла оконце и заглянула в кабинет отца. Для того чтобы отвлечь от работы папу, ей не требовалось вставать с кухонного дивана. Самое интересное, что за этой стеной находилась комната Лирики, а кабинет отца в другом конце квартиры.

– Дорогой, ты идёшь? Все собрались. Ждём только тебя.

Папа поднял голову от бумаг и вздохнул:

– Никогда не привыкну к тому, что ты заглядываешь не в дверь. Начинайте без меня. Я скоро.

Мама кивнула и закрыла дверцу, которая через несколько секунд исчезла. Автоматически был дан знак приступать к еде. Славик с Игорем первыми схватились за ложки.

– Лирика, – начала мама.

– Конечно, я отнесу, – ответила домработница.

Привычный ход событий. Папа когда увлечён работой забывает выходить к завтраку, обеду и ужину. Вряд ли придёт и сейчас. Хоть и пообещал. Лирика относит еду в кабинет. Маме не обязательно и напоминать.

Отец – учёный. Физик. В области с труднопроизносимым названием. А мама – искусствовед. Завтра родители отправляются в Париж. У мамы работа в галерее. Оттого мы с Никой едем в школу на несколько дней раньше, чем следовало бы. Ника этому рада. Она обожает закоулки. Точно бы прыгнула в светящееся кольцо, не испугавшись бездны. Только Игорь её не позвал. Он полагает, что моя сестрёнка ещё мала. Одиннадцать лет всё-таки. Но на её расспросы о путешествии, сидя за столом, отвечал подробно. Не переставая, однако, жевать.

Мама сняла кольцо и положила на стол. Во время прокладывания перехода перстень всегда нагревается. Мама снимает, чтобы быстрее остыл.

Этот ювелирный шедевр с большим красным камнем передавался в нашей семье из поколения в поколение. Им рисовали двери закоулков многие мои предки. Но у меня и с ним ничего не выходит. А вот Ника – уникум. Она может создавать переходы любым предметом. Больше того, она обладает способностью проложить ход не только для того, чтобы войти в него самой, или дать дорогу другим людям. Она может извлечь предмет из закоулка, не заходя в него, не подвергая себя возможной опасности. Нужно лишь знать, где искомая вещь упрятана. Ника просто призывает её. Не представляю, как это происходит.

Самое странное, что вещь может оказаться давно утерянной, или погибшей. То есть сестрёнка умеет создавать временные переходы. Таких ходоков за всю историю нашего существования, несколько тысячелетий, кстати, насчитывается человек пять, может, шесть. Однажды Ника создала дверь в непонятно какое время и вытащила из давно сгоревшей библиотеки книгу. Успела её даже полистать. Потом книга превратилась в прах. Всё-таки ей не полагалось жить в наши дни.

Из ныне живущих ходоков Ника единственная, кто способен на такие выкрутасы. Впрочем, это наследственное. Наш прадедущка со стороны мамы уникалом не являлся. Двери рисовал только перстнем. Но вполне мог проложить путь в прошлое. В будущее не получалось. И даже зайти туда ненадолго. Ника отправиться в библиотеку не сумела. Её отшвырнуло от двери. Как отшвыривает простых людей от любого перехода, созданного ходоками. Книжка сама к ней выплыла после того, как Ника подумала, мол, неплохо бы почитать на досуге. Папа считает, что пройдёт время и сестрёнка научится забредать в другие времена. Возможно, даже скорее, чем нам кажется. Он сам так однажды сказал.

– Вы слышали о происшествии в Заозёрье? – жуя, поинтересовался Игорь.

– Происшествии? – мама даже вздрогнула.

– Ну да. Мы сегодня утром узнали. Кто-то проник в архив и украл некоторые папки, посвящённые исследованиям Равнины колодцев.

– Как это возможно? – развела руками мама, – наверное, работники что-то напутали. Потеряли.

Действительно странно. Чужаки практически не могут проникнуть в Заозёрье. Это старинное место со всех сторон окружено непроходимой тайгой. И ни одной дороги. Ведь ходокам они не нужны.

А своим воровать из архива ни к чему. Приди да почитай.

– Нет. Там всё по-настоящему. С разбитыми окнами и грязными следами, – возразил Игорь.

– Я думаю, всё выяснится, – отмахнулась мама.

На другой день я носилась по квартире, судорожно соображая, всё ли упаковала. Ника проверяла напоследок электронную почту. Мама наводила марафет перед зеркалом. Лирика готовила завтрак.

– Может, нам всё-таки остаться дома? Сегодня только двадцатое августа. Что делать в школе так рано? Отправляйтесь в свой Париж. Мы с Никой вдвоём неплохо проживём. А потом сами доберёмся до Заозёрья.

Мама поджала губы, критически глядя на своё отражение. Придаться не к чему. Волосы идеально уложены, костюм отутюжен, макияж в порядке. Потому она повернулась ко мне. У меня-то точно есть к чему придаться.

– Лиса, мы с тобой это много раз обсуждали. Я знаю, что у тебя здесь подружки, и жизнь обычного человека, которую ты опрометчиво примеряешь на себя. Но Заозёрье – второй дом для всех нас. Неужели ты совсем не соскучилась по Варьке? Да пока не началась учёба, вас с ней хоть каждый день будут отпускать в большой мир. Проведёте денёк в Москве. Денёк в Питере. В Париже вполне... ах, нет. Париж Варька не осилит, прямого пути нет. Ну... сходите в Адлер, поваляйтесь на пляже.

– А если не отпустят?

– Лиса, переодевайся. Как мне не нравится этот твой халат. Давай купим новый. Думаю, ты уже выросла из халата с зайчиками. И приведи волосы в порядок.

Я вздохнула и поплелась в ванную. Мама права лишь отчасти. Я, конечно, скучаю по Варьке. А она по мне – ещё сильнее. Но вряд ли наш Заозёрский попечитель так запросто позволит нам шлындать по стране. Нужно будет ходить, канючить. И если отпустит, то только со старшими учениками.

Варька – моя школьная подруга и соседка по комнате. Она добрая и миролюбивая. Очень любит посплетничать. И весит килограмм на тридцать больше меня. За что её постоянно дразнят, а Варька в ответ ругается и размахивает кулаками. То есть не всегда она добрая и миролюбивая. А лишь по настроению.

В прихожей появилась Ника:

– Мам, ты помнишь, что я отправляла свою анкету на конкурс «Коллекционер России»?

– Да. И что?

– Пришёл ответ. Предлагают приехать в Москву. Меня упомянут в книге, посвящённой лучшим коллекционерам.

Я слушала их разговор из ванной, расчёсывая непослушные волосы. Ника собирает монеты. Уже давно. Эту коллекцию начал создавать ещё наш прадед. Тот самый, со стороны мамы. Он побывал во многих странах мира. Да что там. Он посещал и другие миры. Намеренно туда ходы обычно не прокладываются. Слишком непредсказуемо. Но можно загреметь по случайности. Все потусторонние монеты у Ники хранятся отдельно. А земные – занимают несколько папок. Тяжелющих. Как-то Ника узнала, что готовится к изданию справочник всех солидных коллекционеров страны. И отправила на указанный адрес заявку.

– Нет, нет, нет. Никакой тебе Москвы. Одна ты не можешь туда отправиться. А я нужна в Париже. И вообще, сегодня тебя ждёт Заозёрье.

Когда мама нужна в Париже, она ни на что больше не отвлекается. Я удивляюсь, как ей в галерее ещё отпуска дают, и она может два летних месяца с нами провести. Работа для мамы многое значит.

– Ну, пожалуйста. Ты же знаешь, как я этого хотела.

Ника поныла немного, а потом отправилась к папе. Я сомневалась, что он её поддержит. Мама в своих возражениях привела веский аргумент, который и папа не оспорит. Для чего необходимо личное присутствие в Москве? Хватит данных, присланных через интернет.

Приблизительно часа через два мы всей семьёй (Лирика, естественно, тоже) с сумками подошли к старейшему в городе зданию. Его называют Арсеналом. То есть считается, что Ижевск начал расти именно отсюда. Этот особняк с колоннами, где нынче располагается краеведческий музей, построен лет сто назад. Ранее на его месте находился деревянный дом. Сути это не меняет. На задней стене, прямо возле чёрного хода, имеется закоулок, ведущий через полстраны. Как имелся он на прежнем здании. Двери, конечно, не видно. Мама нарисует её, мы все сделаем шаг внутрь, а затем дверь исчезнет. Просто, проложенные издавна переходы отнимают меньше сил, не обязательно отчётливо представлять себе место прибытия, да можно вообще не представлять, всё равно точно знаешь куда попадёшь.

Но для того, чтобы закоулок считался проложенным, надо пользоваться им регулярно, и постоянно ходить в одно и то же место. Если несколько лет не открывать дверь, переход исчезнет. Однако вряд ли такого рода вымирание грозит невидимой двери на стене Арсенала, в Ижевске немало ходоков.

Мама провела кольцом по стене, будто рисуя закруглённый сверху проём. Она никогда не создаёт прямоугольных дверей. Её переходы всегда арочные. В этот раз дверь оказалась деревянной. Обычно у мамы они металлические. Основательные, как в хранилищах банков. Наверное, мыслями мама уже в Париже. Лёгком и воздушном, как она его называет. Папа потянул за ручку. Изнутри пахло свежим, лесным воздухом. Донеслось пение птиц. Мама сняла кольцо и положила его в карман пиджака.

Я вздохнула. Ну что ж, Заозёрье так Заозёрье.

Мы оказались в простой деревянной избе. Дверь внутри неё появилась на стене, сложенной из толстых брёвен.

– Ну, здравствуйте, – поприветствовала нас хозяйка избы. Или привратница, как её чаще называют. Она привыкла наблюдать появление различных дверей на стене дома. Иногда они выглядят, как люки на подводных лодках. Временами, как ворота, полностью оправдывая хозяйкино звание привратницы. Иногда это двери-купе. Случается, что они похожи на межкомнатные дверцы со стёклами. Бывает, что двери простые, деревянные, крашенные или нет. Или металлические с названиями фирм, с табличками, где обозначен номер офиса, или фамилия некоего начальника. Всё дело в том, о чём думает человек, когда прокладывает переход. Однажды в стене возникла крутящаяся дверь. Как в крупных торговых центрах. Огромная. Во всю стену. Кто-то из старших учеников выпендривался. Из тех, кого в школу уже не провожают родители. И не контролируют, соответственно. Привратница с тех пор всем рассказывает, как у неё отвисла челюсть, когда увидела эту, неторопливо поворачивающуюся громадину. За стеклянными стенками виднелся город, находящийся от Заозёрья на расстоянии трёх дней пути на поезде. Что небывалая редкость. Обычно пока не переступишь порог, не узнаешь, что за дверью. Просто слишком большой оказалась конструкция. Позднее выяснилось, что над её созданием трудилось аж трое. Совместные усилия после нагоняя зачлись, как отличная контрольная. Двери, как правило, рисуются в одиночку.

– Доброе утро, Мавра Антониновна, – улыбнулась мама, – извините, что побеспокоили в неурочный день...

– Да какое там беспокойство? – отмахнулась гостеприимная, весьма любопытная привратница. – Я уж и плюшек напекла, они стынут. И самовар давно поставила. А вы мне сейчас все новости из вашего, как его там?... интернета расскажете.

Заозёрье – как глоток ожившего прошлого. Электричества здесь нет, потому что стоит лишь нам захотеть протянуть сюда провода, как придётся объяснить большому миру, кто мы и почему живём в такой глухомани. Причём неплохо живём, учитывая, что к Заозёрью не ведёт ни одной дороги, и со всех сторон поселение окружено непроходимыми чащобами. Любому непосвящённому показалось бы, мягко говоря, странным, что его жители щеголяют в модных джинсах и почитывают свежие журнальчики. Потому здесь в порядке вещей (в придачу к журнальчикам и джинсам) пользоваться предметами, какие в других местах проживают лишь в музеях. Самоваром, к примеру.

Ой, нет! Подобие дороги всё-таки есть. С одной стороны от крепости, вот уже не одну сотню лет обеспечивающей жителям Заозёрья крышу над головой, с восточной, в чаще проложена узкая тропинка. Она ведёт к озеру. Летом... хм... Сложно назвать это летом. В здешнем климате никогда не бывает достаточно тепло, но мы всё равно устраиваем на берегу посиделки со страшными или смешными историями и разной вкуснятиной, захваченной с кухни. Особо закалённые даже купаются. Зимой мы катаемся на коньках по льду озера.

Вообще, мне нравится Заозёрье. Если бы я не чувствовала себя в мире ходоков лишней оттого, что никак не могу научиться прокладывать закоулки, считала бы Заозёрье родным домом. А не тем, в какой забрела по ошибке.

Раньше никак не могла понять, для чего нужно жить в холодном краю постоянно. Я упрашивала маму водить меня в школу каждый день. Как всех нормальных детей. Ну и подумаешь, что школу и мой город разделяют несколько тысяч километров. Только мама отвечала, что они с отцом часто в разъездах. А Лирика не ходок, потому водить меня в школу будет некому. Да и все ученики живут в школе постоянно. Это объединяет. И помогает учебному процессу. Держаться мы должны вместе. А в детстве хождение через переходы даётся сложнее. Ведь иногда себя перемещаешь на другой конец планеты. Это очень выматывает.

Кроме того, звучали слова о том, что есть науки, преподаваемые только ходоками и только ходокам. А потому нужна своя школа. О том, что жизнь в тайге, в заозёрской крепости – древнейшая традиция. И о том, что дети часто совершают ошибки и суют свои носы куда не следует, и поэтому за ними нужны не просто два глаза, а все двадцать два.

– Ох, мы на плюшки никак не рассчитывали, Мавра Антониновна, – проговорила мама, намереваясь улизнуть от гостеприимных лап привратницы. Но не удалось. Мавра Антониновна она такая. Умеет убедить гостей задержаться.

Лирика принялась доставать из сумки вещи потеплее. Там, откуда мы прибыли, августовская температура позволяла разгуливать в маечках и юбочках. Здесь же стоило накинуть ветровку. Север.

В роду Лирики последним ходоком был её дедушка. Иногда так случается. Способность вырождается. Никто не знает причин. Просто потомки того старичка почему-то утеряли способность обозначать двери в неурочных местах. Но они могут входить в закоулки, созданные другими. Обычные же люди вполне способны увидеть нарисованную дверь, но пройти вслед за ходоком не смогут. Их отбросит назад.

А бывает и так: среди родственников никто никогда в ровные стены не совался, но вдруг родился ходок. То есть в одной семье способность выродилась, а в другой – появилась.

Это всё генетическая предрасположенность. Мне папа объяснял. Он говорил, что мутация, приведшая к появлению ходоков на земле, произошла около четырёх или пяти тысяч лет назад. Однако нужные гены в большом дефиците. Ходоков на планете мало. В нашей стране тысяч десять, наверное, или что-то вроде того.

У некоторых так силён страх выродиться, что детей на ходоковость проверяют уже во младенчестве. Вдруг ребёнка созданный переход не впустит.

Так странно: ручные коридоры отпихивают обычных людей, а самовозникающие – никогда. Напротив, такие переходы простых людей буквально втягивают, аж чавкают при этом. С ходоками этого не происходит. С ними всё как всегда.

А ещё встречаются люди, родившие с нужными генами в обыкновенной семье. Они всю жизнь живут, ничего не зная о своей особенности. Ведь никому нормальному не придёт в голову рисовать дверцы на всяких разных поверхностях.

Через полчаса мы объелись плюшками да напились чаю, и в избушку привратницы прибежала Варька. Чем спасла нас с Никой. А то, возможно, и дальше пришлось бы выслушивать всё, что Мавра Антониновна думает о жизни в Заозёрье и вне его пределов. А так брякнули, что давно не виделись, и убежали. Родители же, вместе с Лирикой, остались.

Варька живёт в Заозёрье постоянно. Её папа с мамой разъезжают по миру ещё больше, чем мои. То есть мои родители по сравнению с её – просто домоседы. А вот Варькина бабушка преподаёт в нашей школе историю ходоков. И живёт в комнатке в одной из башен крепости. Места там мало, потому Варька делит комнату со мной и Никой в ученическом общежитии. Хотя вообще дело не в нехватке места, просто бабушка не хочет жить с Варькой, а Варька с бабушкой. У них непростые отношения.

От избушки привратницы к крепости ведёт тропка, по обеим сторонам которой стоят стеночки. Через равные промежутки. Будто огромные, больше человеческого роста, спичечные коробки. Над ними нависают ветви деревьев. На каждой стеночке написано название места. Допустим, Казань. Гуляли мы там с Варькой пару раз. Или Москва. Туда наведывались чаще. Эти переходы существуют не одну сотню лет. Когда стеночка разрушается от времени, на её месте строят новую. Ну, это когда уже устают укреплять старую. И закоулок работает дальше. Из нашего города выхода на тропу нет. Оттого мы используем стену избушки привратницы, как многие другие.

– Мне столько тебе нужно рассказать, – начала Варька после того, как обняла меня в третий раз.

– Начинай.

Мы пустились в путь по тропинке. В лесу щебетали птицы. По веткам скакали белки. Они здесь прикормленные. Я спохватилась, что забыла дома орехи.

– Послушай, – обратилась к Варьке Ника, – мне нужно в Москву. Ненадолго. По одному адресу съездить. Ты со мной?

Я повернулась к сестре:

– А я что? Не в счёт?

– Ну... ты... – замялась Ника.

Можно и не договаривать. Сама знаю, что я не совсем ходок.

– Подожди, – отмахнулась Варька, – в общем, тут такое!

– Я смотрю, ты себе обновки прикупила, – критически оглядела я подругу. Широкая малиновая кофта с капюшоном и надписью не по-нашенски и тёмно-синие джинсы, лопающиеся на крупных Варькиных ногах.

– Да я вчера в Питере побывала. Проведала бабушку. Почту проверила. Откуда бы я узнала, что ты сегодня прибудешь, если б в интернет не слазила?

Обычно Варька со мной по магазинам ходит. На её размер не всегда удаётся хорошие вещи подобрать. Меня даже укол ревности припечатал. То ли она одна, без меня, справилась. То ли чьим-то чужим советам внимала. Уточнять не стала.

Вторая Варькина бабушка живёт в Петербурге. Туда мы навещаемся особенно часто. Эта стеночка первая от крепости.

Издавек мы заметили девчущку, рисовавшую на одной из стен. На той, где написано «Москва». Предыдущий художник намалевал там схематичный Большой театр. Наверное, пытался срисовать со сторублёвки. Некоторые полагают, что стенкам не нужно оставаться пустыми, и добавляют красок к названиям городов. Мы подошли ближе. Девчущка оказалась подругой Ники. Художница отвлеклась от работы и принялась болтать с моей сестрёнкой. Я же засмотрелась на рисунок. Все прежние художества оказались замазаны. Теперь на стене вырастали Кремлёвские башни. На тропке нет ни одной нерасписанной стены. Всегда кто-нибудь приносит баллоны с краской и вперёд. Просто некоторые города меняют облик чаще, чем другие.

– Слушай, – потянула меня дальше Варька, – завалились две новости. Хорошая и плохая. Ух, ты! Всегда хотела это сказать!

– Начни с хорошей.

Внезапно на стеночке, скрыв Спасскую башню, возникла дверь, обитая синим дерматином, с номером пятьдесят девять. Она резко распахнулась, чуть не ожег художницу, и из столицы на тропку вывалилась группа старших учеников.

– Аккуратнее надо, – взвизгнула девчущка.

– Нечего стоять на дороге, – ответил один из учеников и захлопнул дверь. Та исчезла, позволив вернуться башне.

Мы с Варькой пошли дальше. Ника осталась разговаривать с подругой.

– В Солнечной школе случился пожар...

– Это, по-твоему, хорошая новость? Страшно представить, какая окажется плохой.

– Да ничего, – Варька махнула рукой. – Никто не погиб. Ребята разъехались на лето почти все. Там ведь меньше народу живёт, чем у нас.

Солнечная школа гораздо севернее Заозёрья. Тепла в том краю почти не бывает. Ученики живут в деревянных домах, которые отапливаются привозными дровами. Погреться мотаются на тропические острова. Но место, где расположена Солнечная школа, очень благоприятное для ходоков. Там множество путей сходится. На нашей тропке в Заозёрье тридцать восемь стеночек. А в Солнечном посёлке их несколько сотен. И ещё Равнина колодцев.

– ...даже не пострадал никто. Просто много домов теперь непригодны для жилья. Неизвестно, когда их восстановят, и потому народ оттуда перебирается к нам. Вместе учиться станем.

– А! Так вот это, по-твоему, хорошая новость?

– Ну да. Интересно же.

Варька любит общение. Ей нравится, когда вокруг много людей. Не могу похвастать тем же самым.

Я один раз посетила Солнечную. Нам тогда Равнину Колодцев показывали. Не помню, чтобы с кем-то из тамошних знакомилась. Не вызывает у меня такой уж радости приезд других учеников.

– Потесниться, конечно, придётся. Вот. А ещё недавно кто-то в архив пробрался. Говорят, документы пропали какие-то. Кроме всего, идёт слух, что в наших лесах уголовники прячутся. Из тюрьмы сбежали. Представь, что будет, если на Заозёрье выйдут! Голодные, оборванные и им нечего терять. – Варька перешла на шёпот. Обстановку нагнетает. Любительница страшных историй. – Но ты не переживай. Держись ко мне поближе. Если что, я помогу нам обеим сбежать.

Есть у Варьки один минус, какой меня иногда довольно раздражает. Она любит напоминать, что уже давно разобралась, как надо создавать закоулки. А я в ответ обычно язвительно говорю.

– Разумеется. Мы же давно не заглядывали к террористам. И в море не купались.

А просто вляпались мы однажды в небольшое приключение. В прошлом году. В выходной день надумали прогуляться по Москве. Выходил новый фильм, мы хотели попасть в кино. Позвали с собой Славика с Игорем. Но они собрались на какое-то спортивное мероприятие. В Германию что ли? В Европу – только через Солнечную. От нас прямого пути нет. И там они планировали сделать несколько переходов. Я не помню сейчас всей схемы. Ученики, по негласным правилам, должны пользоваться только проверенными ходами. Если очень захотеть, то можно хоть в Колумбию проложить дорогу со стены привратницкой избушки. Но норма Славика – один переход в день. После этого, как выжатый лимон. Нужно поесть и лечь поспать. Игорь не вполне состоявшийся ходок. Он долго не мог научиться создавать двери, всё искал свой предмет. Потом выяснил, что может рисовать переходы только чужими вещами. И исключительно металлическими. И не на всякой поверхности. Потому, когда он отправлялся на крышу, то действовал на свой страх и риск. И брал нож отца, которым тот двери делает. Отец потом ругался. Впрочем, речь не об этом. Мы с Варькой решили наведаться в Москву вдвоём. Дошли до стенки с положенной надписью. Подруга достала из кармана мел. Её карманы всегда забиты мелом. Для неё это свой предмет. Варька провела неровный контур. Дверь получилась кривоватая. Белая, пластиковая. Почему-то с надписью «Палата № 8». Мы сделали шаг и оказались в Марьиной роще. Путь всегда выводит к старым гаражам. Раньше это место было более глухим. Сейчас же всё вокруг рьяно застраивается. И народу много. Приходится осторожничать. Вышли мы из боковой стены гаража. Отправились гулять по городу. Съездили на Чистые пруды. Посмотрели фильм. Когда возвращались, уже смеркалось. Возле гаражей за нами увязалась свора собак. Штук десять. Все здоровые и, как нам показалось, очень злые. Варька всё время оглядывалась и ускоряла шаг. Она собак панически боится. А те не отставали и временами порывивали. На безлюдном, междугаражном пути это выглядело особенно страшным.

– Не беги, – одёргивала я подругу. – Собаки не любят, когда от них убегают. Они начинают преследовать жертву. Они же охотники.

При слове «жертва» Варька побледнела ещё сильнее и припустила вперёд. Собаки тоже ускорились.